

СТЕНА

Эксперты «Российской газеты» о мифах, которые заставляют европейцев и россиян бояться друг друга

СОВЕТ ЭКСПЕРТОВ

Ядвига Юферова,
Юрий Лепский

КАК мы уже писали, в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов прошли VIII Лихачевские чтения. «Российская газета» выступила одним из организаторов секции «Актуальное прошлое: реалии и мифы истории».

Сегодня мы предлагаем читателям выдержки из дискуссии, в ко-

торой приняли участие авторы и эксперты «РГ» — Владимир Козлов, руководитель Росархива, немецкий политолог Александр Пар, французский славист Рене Герра, писатели Светлана Алексиевич и Петр Вайль.

У каждого своя война

Российская газета | Мы опубликовали («РГ», 21.05.08) сообщение, что историки Германии и Польши приняли решение создать единый школьный учебник истории. В конце апреля состоялась презентация совместного немецко-

ко-французского школьного пособия по истории. Возможен ли подобный проект в России? Какие национальные мифы мешают ученым постсоветских стран прийти к консолидированной точке зрения? Или же любой совместный учебник — это сумма компромиссов, усредненный и приблизительный взгляд на прошлое — палача и жертвы, шпиона и разведчика, победителя и побежденного? Где рядовому человеку найти систему координат, на которой он оставался бы и европейцем, и патриотом своей страны? От каких мифов нам сегодня

необходимо отказаться во имя будущего? Может, Светлана Алексиевич, автор документально-художественных книг «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва», которая живет сейчас то в Берлине, то в Минске, начнет разговор?

Светлана Алексиевич | Я недавно участвовала в международной дискуссии во Франкфурте-на-Одере, там обсуждались итоги Второй мировой войны в массовом европейском сознании. И я увидела, как поляки, присутствующие на встрече, держались за свои мифы.

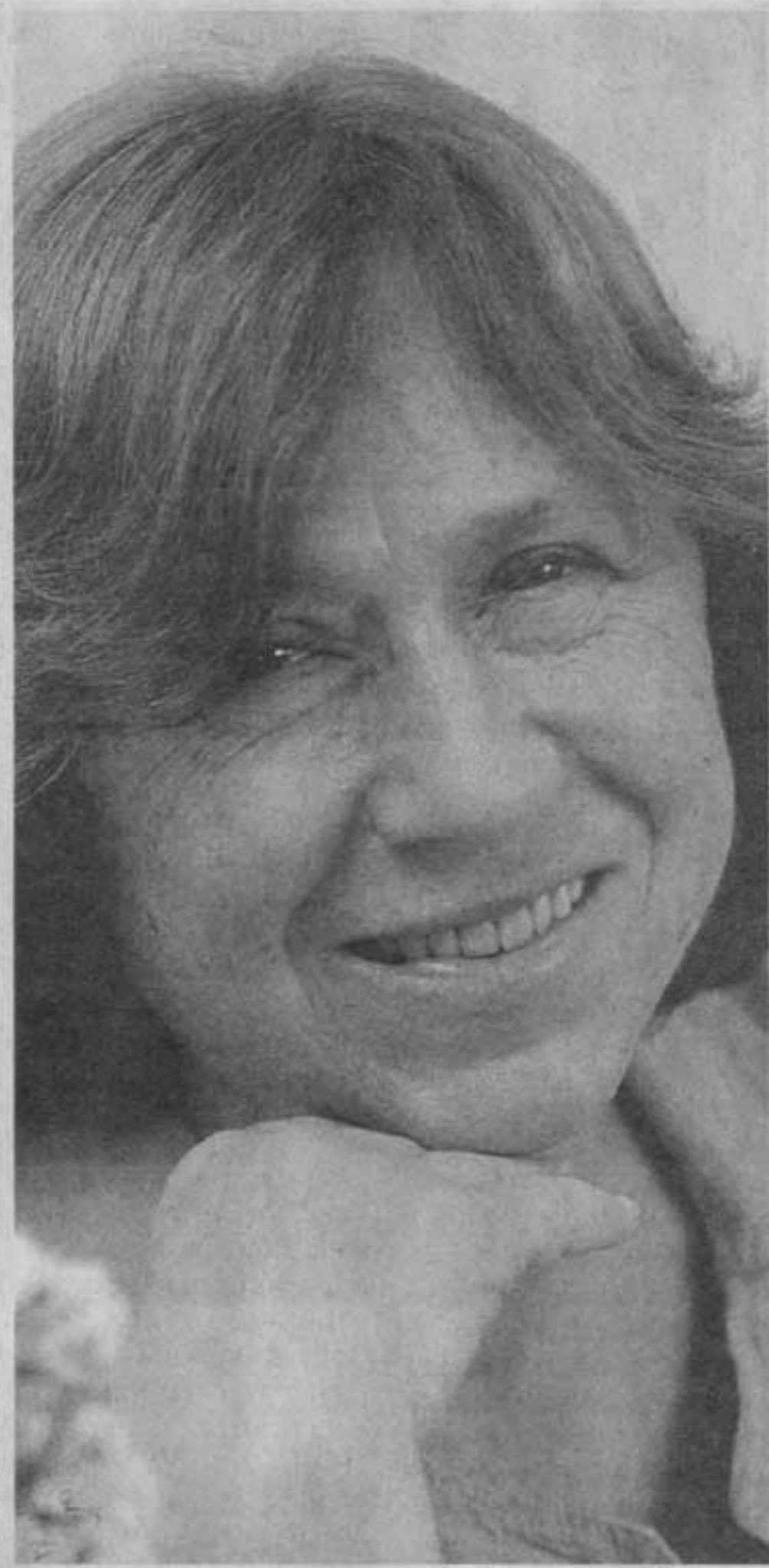
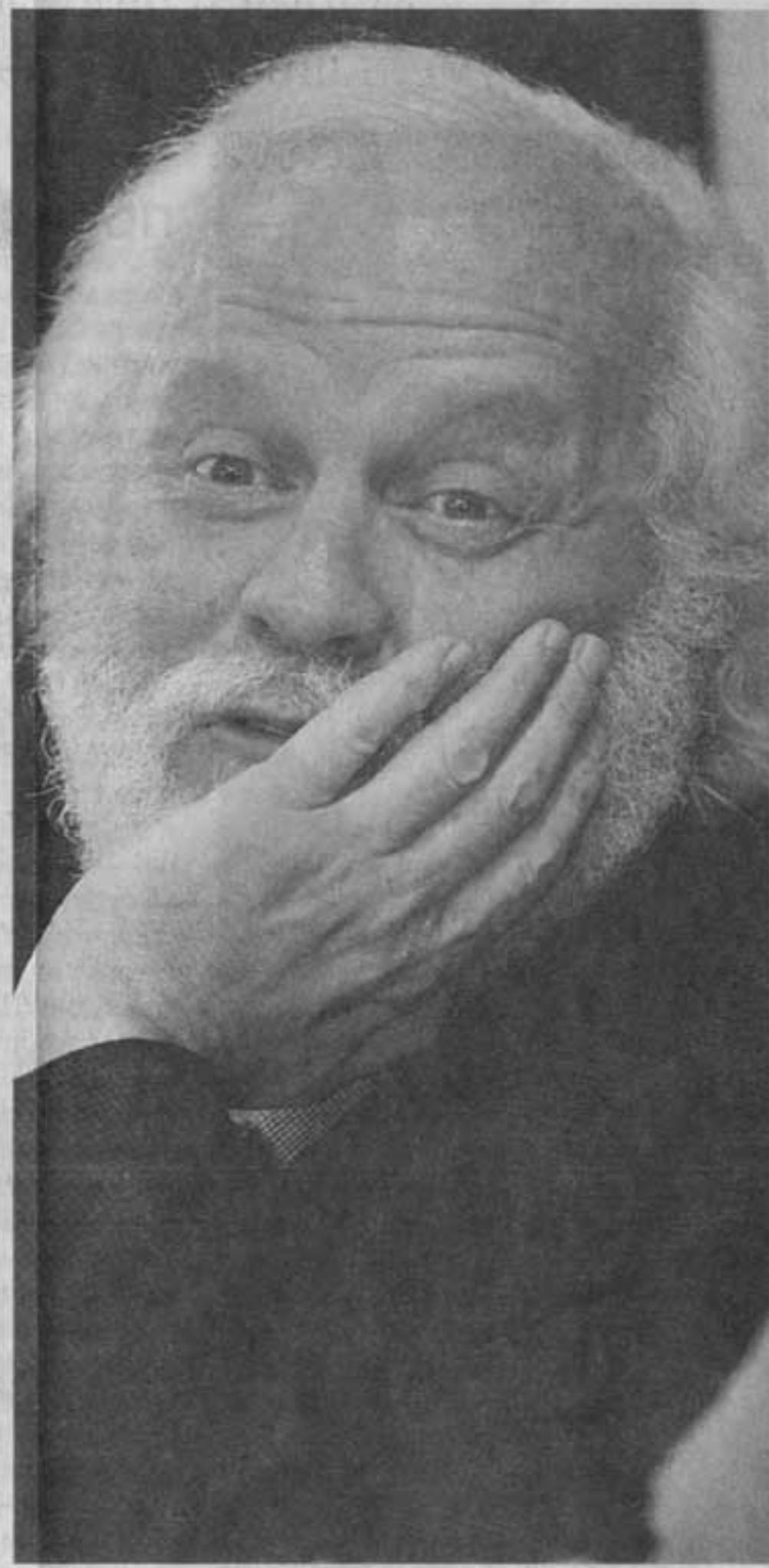
«Холодная война» на Берлинской стене: восточногерманские пограничники предохраняются от облацов слезоточивого газа из Западного Берлина. 1988 год.

Как держались своих мифов немецкие историки. Такое ощущение, что у каждой страны своя война. В моей Белоруссии героизм народа стал сродни религии. Мне часто звонит подруга из Литвы. Это уже другая версия войны. Общая европейская история не скоро будет написана, если она вообще будет возможна.

Окончание на с. 7

Стена

Эксперты «Российской газеты» о мифах, которые заставляют европейцев и россиян бояться друг друга

Рене Герра:

За последние 20 лет в Российской Федерации проявился устойчивый интерес к эмиграции.

Алексиевич | Да, больше всего меня удивило, что произошло с военными и многими другими мифами за последние 20 лет. Все-таки когда был Советский Союз, то картина мира была в неком равновесии. Так казалось. Это была малопривлекательная картина, но все нашли в ней свою ячейку как-то прижились. И вдруг все это разрушилось...

Герра | Уже в 1979 году тема войны из тех, которые меня глубоко интересуют. Я вижу, как в последние годы эта тема сухаялась. Серьезные исследования мало кто занимается. Помогите новым публикациям Второй мировой войны в Интернете. В основном найдете статьи об изнасилованиях.

РГ | Этому теме, кажется, впервые подняла в своем фильме немецкий режиссер Хельга Зандэр. Ужасы, содеянные немцами в СССР, и жаждаести за них выбрасывали в кровь солдат такое количества адреналина, что у некоторых улетучивались моральные барьеры.

Алексиевич | Я об этом многое знаю и даже участвовала в фильме Хельги «Освободители и освобожденные». И я помню, что такое мифы для своих и чужих. Пришли с немецкой съемочной группой к моим героям-фронтовикам, которые до этого мне говорили потрясающие вещи, что было с мужчинами, когда они вошли в Германию с этой ненавистью. А Хельги они в один голос твердили, какие хорошие были все освободители... Кончились съемки тем, что на третий день Хельга упала на стол, который нам приготовили, и истерикая приехала к нам как сестра. Давай забудем, как мы героически убивали друг друга. Давайте вообще посмотрим на ее глазами женщины, глазами жертв, которых и у нас были миллионы. Часто люди загоняются в мифы, как патроны в патронник. И выскочить оттуда очень сложно.

Владимир Козлов | Я считаю, что единственный учебник истории Второй мировой войны возможен. Ученые из Института всеобщей истории РАН провели уже не одну встречу со своими коллегами из стран СНГ по этому поводу. Все зависит от доброй воли сторон. Конечно, сейчас политический фактор обострился, будто козырную карту достали из кармана за неимением более сильных аргументов в разговорах с Россией. К сожалению, все это оказывается на науке. А то, что взаимность желания есть, не сомневайтесь. Мы готовы написать совместно и российско-германский учебник истории.

РГ | В прессе даже мелькали сообщения о совместной комиссии.

Козлов | Российско-германская комиссия работает уже лет восемь, если я не ошибаюсь. Я член этой комиссии. Должен сказать, что взаимное недоверие, которое было в первый год — два работы, давно прошло. Сейчас совершенно нормально реализуется

проектов. Допустим, советская военная администрация в Германии. Болезненный для немецкой стороны вопрос, потому что, допустим, история английской, американской зон оккупации давно известна немецким историкам и немецкой общественности, все архивы были возвращены. Фонды советской военной администрации в Германии были закрыты. И только прямое поручение Ельцина дало возможность эти фонды открыть. Шесть томов уже сейчас вышли. Немецкая сторона переданы копии всех документов советской военной администрации в Германии. Электронный справочный аппарат подготовлен.

Также готовятся материалы, связанные с предвоенной историей взаимоотношений СССР с Германией. Болезненная тема, конечно. Но в принципе науровне академической неангажированной науки процесс ликвидации белых пятен постепенно происходит.

Алексиевич | Пятьдесят лет тому назад я тоже думал, что учебник будет, если Иван Грозный не раздавил новгородцев.

Герра | После Второй мировой войны возникла на Западе новая цивилизационного контекста. Указатель России ее место. Россия проиграла «холодную войну» также, как Германия проиграла свою войну в 45-м году. Естественно, в России это всех коробит, обижает. Тут же в Германии некоторые решили немножко отодвинуть свою вину в сторону за то, что произошло, и свалить вину на Советский Союз, который третья Германия оккупировал до 90-го года. И таким образом долю своей вины поделили с Россией, с Советским Союзом.

Алексиевич | Печально думать, что Россия и Европа, расходясь по разным идеологическим окопам, опять упускают шанс утвердить общие гуманистические ценности.

Рар | После Второй мировой войны возникла на Западе новая цивилизация. Цивилизация либерализма, либеральных идей, либеральной экономики. Это для многих было началом действительно новой эпохи, грандиозной эпохи, когда европейцы начали жить так, как никогда еще не жили. И в политическом плане, демократическом плане — отход от тоталитарного прошлого и объединение Европы в одно целое. Естественно, Европа строит свою идеологию, как религию. Религия ценностей. Те страны, которые это ставят под вопрос или пытаются своими идеями, как Россия, влиять на Европу, не воспринимаются.

Герра | А что думает по поводу общего учебника истории немецкий политолог Александр Пар? Сильно зависит от настоящей политики наше прошлое?

Александр Пар | Думаю, что вопрос учебника важен. Но он ограничен определенным кругом людей. Я хочу вернуться к нашим национальным мифам. Разное видение истории связано с попыткой через историю провести новую самонидентификацию отдельных наций. Россия, позволяя мне так сказать, идентифицирует себя сегодня как страну, которая победила гитлеровский фашизм в 1945 году. Я никого не хочу обидеть, но скажу, что это пик истории России в XX веке, этим Россия действительно стопроцентно может гордиться. Но она не может гордиться сталинским временем и рассчитывать на то, что окружающий мир тот период будет оценивать как положительный. Есть нации, в основном, поляки и прибалты, которые считают, что 45-й год, который в России спровоцировал как триумф, стал началом их оккупации. И тут можно спорить очень долго. Но их точка зрения, что жизнь в соцлагере до 90-го года проходила вне Европы, куда они хотели попасть. Из-за «советского сапога» у них было не то благосостояние, не тот комфорт и ценности, которые уже давно норма в Европе.

РГ | А вам не кажется, что известное письмо депутатов Европарламента к главам государств Европы с предложением не ехать на юбилей Победы в Москву — это конъюнктурная политика на повышение собственных ставок?

Рар | Да, есть страны, которые чрезмерно интересуются вопросом Второй мировой войны хотят вытолкнуть Россию из общеевропейского

общества. Указатель сущности культуры, а не ее остальное. Я помню, как разговаривал с одним колумнистом, который приехал в МГУ учиться. Что его прорвали в Москве идея «плавильного котла», а в Америке идея «стекольного котла». Но потом увидели, что что-то не выходит. И не должно выходить. Тогда пришла на замену идея мультикультурализма: не сплав, а мозаика. Европа — мозаика. Вот можно говорить о политической, экономической интеграции, но не о национальном характере, этикете, культуре. Это совершенно невозможно. И слава тебе, господи, что невозможно.

Козлов | Я все-таки соглашаюсь с тем, что у каждого народа была, есть и будет своя история. Я имею в виду написанную историю. Соглашаюсь с тем, что невозможно заставить шведов и русских одинаково смотреть на Полтавскую битву — кому победа, а кому поражение.

Вайль | И у них памятники Ярло Биргеру и Карлу XII — своим героям, а в России — Александру Невскому.

Козлов | Сравнивать историю как науку и сравнивать культуру как индивидуальное творчество, ставить на одну доску нельзя. Поэтому что есть история в умах конкретного народа. И есть математика, может быть высшая математика, история, основанная на общепризнанных нормах познания. Познания прошедшего. И здесь можно найти общее понимание всего того, что происходило. В том числе, понимание и трактовка Второй мировой войны. Речь идет не об учебнике, а, может быть, о фундаментальной академической работе.

Вайль | Вы очень удачно сказали, и мено высшая математика. Это дело ученых. Потому что простой человек имеет дело не с фактами, а с мифами. И это не победить.

Герра | А какое поколение память становится историей? Когда уходит последний участник событий?

Герра | Я более сорока лет занимаюсь историей русской эмиграции. Память живая, пока к ней живой интерес. Я поражен, как за последние 20 лет в Российской Федерации проявился устойчивый интерес к эмиграции. Это триумф части русской культуры, которая волей судьбыоказалась за рубежом. Это меня радует. Но меня настороживает, что этим занимаются частоте самые люди, которые в советские времена про эмиграцию писали черт знает что. Как историк русской эмиграции могу сказать: пора сделать совместно учебник. Сейчас масса способов очень странно появился для школьников по литературе. Там мешанина. Путают первую волну — белую эмиграцию — со второй, с третьей волной. Получилась, извините, какая-то каша-малаша.

Я понимаю, почему. Потому что некоторые специалисты, в том числе и вчерашние члены французской компартии, пишут, как будто бы Бунин, Ремизов, Шмелев, Бердев случайно оказались или застряли на Западе. Меня это бесит.

Вайль | Я как эмигрант, который в 1977 году покинул СССР, очень хорошо понимаю, о чем говорит Рене. Но у меня подход более оптимистичный, потому что эмиграция кончилась.

РГ | Политическая эмиграция кончилась?

Вайль | Вообще. Она как общественное явление кончилась. Сейчас смена адреса. Можно жить в Нью-Йорке, а печататься в Москве, и так далее. У меня лично на 90 процентов круг приятелей и друзей — это Москва.

Козлов | Я согласен с тем, что тема русской эмиграции стала за по-

лучший немцам и полякам равно, не стоит...

Утопия, забава учёных, повторяю, уголок Дурова. Была в Америке идея «плавильного котла», а в Германии идея «стекольного котла». Но потом увидели, что что-то не выходит. И не должно выходить. Тогда пришла на замену идея мультикультурализма: не сплав, а мозаика. Европа — мозаика. Вот можно говорить о политической, экономической интеграции, но не о национальном характере, этикете, культуре. Это совершенно невозможно. И слава тебе, господи, что невозможно.

РГ | А на каком поколении память становится историей? Когда уходит последний участник событий?

Герра | Я более сорока лет занимаюсь историей русской эмиграции. Память живая, пока к ней живой интерес. Я поражен, как за

последние 20 лет в Российской Федерации проявился устойчивый интерес к эмиграции. Это триумф части русской культуры, которая волей судьбыоказалась за рубежом. Это меня радует. Но меня настороживает, что этим занимаются частоте самые люди, которые в советские времена про эмиграцию писали черт знает что. Как историк русской эмиграции могу сказать: пора сделать совместно учебник. Сейчас масса способов очень странно появился для школьников по литературе. Там мешанина. Путают первую волну — белую эмиграцию — со второй, с третьей волной. Получилась, извините, какая-то каша-малаша.

Я понимаю, почему. Потому что некоторые специалисты, в том числе и вчерашние члены французской компартии, пишут, как будто бы Бунин, Ремизов, Шмелев, Бердев случайно оказались или застряли на Западе. Меня это бесит.

Эмиграция кончилась

Вайль | Я как эмигрант, который в 1977 году покинул СССР, очень хорошо понимаю, о чем говорит Рене. Но у меня подход более оптимистичный, потому что эмиграция кончилась.

РГ | Политическая эмиграция кончилась?

Вайль | Вообще. Она как общественное явление кончилась. Сейчас смена адреса. Можно жить в Нью-Йорке, а печататься в Москве, и так далее. У меня лично на 90

процентов круг приятелей и друзей — это Москва.

Козлов | Я согласен с тем, что тема русской эмиграции стала за по-

лучившаяся история? Когда уходит последний участник событий?

Герра | Я более сорока лет занимаюсь историей русской эмиграции. Память живая, пока к ней живой интерес. Я поражен, как за

последние 20 лет в Российской Федерации проявился устойчивый интерес к эмиграции. Это триумф части русской культуры, которая волей судьбыоказалась за рубежом. Это меня радует. Но меня настороживает, что этим занимаются частоте самые люди, которые в советские времена про эмиграцию писали черт знает что. Как историк русской эмиграции могу сказать: пора сделать совместно учебник. Сейчас масса способов очень странно появился для школьников по литературе. Там мешанина. Путают первую волну — белую эмиграцию — со второй, с третьей волной. Получилась, извините, какая-то каша-малаша.

Я понимаю, почему. Потому что некоторые специалисты, в том числе и вчерашние члены французской компартии, пишут, как будто бы Бунин, Ремизов, Шмелев, Бердев случайно оказались или застряли на Западе. Меня это бесит.

Пить все будут по-разному

Алексиевич | Но строится же общий европейский дом.

Вайль | Пусть он строится на уровне торговли, экономики. Был у общий европейский дом... Центр был в Люксембурге. Город лучше Европейского союза. Ганзейский союз. Союз городов, а не стран. Между прочим, в Ганзу входил и Новгород. То есть Петру не нужно было никакого окна в Европу рубить. Вот это был европейский дом. Город никогда не был разрушен, ибо всегда перед врагом расплачивался Ганзейским союзом.

Герра | Я как хотел вернуться к тому, что было сказано коллегами. Вот вчера кто-то мимоходом заметил, что молодые архитекторы всего мира изучают

Прагу потому, что она сохранила свою монументальную архитектуру.

Вайль | Я согласен с тем, что тема русской эмиграции стала за по-

лучившаяся история? Например, смешение гостей? Когда уходит последний участник событий?

Герра | Я более сорока лет занимаюсь историей русской эмиграции. Память живая, пока к ней живой интерес. Я поражен, как за

последние 20 лет в Российской Федерации проявился устойчивый интерес к эмиграции. Это триумф части русской культуры, которая волей судьбыоказалась за рубежом. Это меня радует. Но меня настороживает, что этим занимаются частоте самые люди, которые в советские времена про эмиграцию писали черт знает что. Как историк русской эмиграции могу сказать: пора сделать совместно учебник. Сейчас масса способов очень странно появился для школьников по литературе. Там мешанина. Путают первую волну — белую эмиграцию — со второй, с третьей волной. Получилась, извините, какая-то каша-малаша.

Я понимаю, почему. Потому что некоторые специалисты, в том числе и вчерашние члены французской компартии, пишут, как будто бы Бунин, Ремизов, Шмелев, Бердев случайно оказались или застряли на Западе. Меня это бесит.

Пить все будут по-разному, есть по-разному, песни петь разные, к женщинам относиться по-разному. Думать о том, что возможно полное единение, — чистая утопия

Александр Пар:

Без Европы третий путь для России не реален. Ее проглотят Азия и Китай.

импочимания? Например, смешение гостей? Когда уходит последний участник событий?

Герра | Сегодня, возможно, уже не агент.

Козлов | Коли вопрос поставлен именно в таком контексте — ради взаимопонимания, то нам нужно отказать от мифа, что Россия — европейская страна. Все-таки Россия — это особая общность. Да, конечно, у нее очень много европейского, но и многое особости, и именно эта особость, на мой взгляд,